

Полина Люро
Посиделки

Полина Люро Посиделки

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69409366
SelfPub; 2023*

Аннотация

Странная компания собралась этой ночью у костра на заброшенном кладбище...

Полина Люро

Посиделки

Какие же мы всё-таки разные, и не только внешне. У каждого свой, порой непростой характер, вкусы и привычки: кто-то уезжает на праздники за город, чтобы сгонять с себя семь потов на приусадебном участке. Кто-то побогаче норovit провести свободные от работы деньки у тёплого и очень солёного моря, кто-то штурмует горы и реки, чтобы потом похвастаться своими «победами» знакомым и совершенно чужим людям. Лишь бы не забыли лайкнуть в сети.

А вот мы любим в компании посидеть у костра, поболтать о жизни, пожаловаться на её безжалостность и равнодушие к нашим, если подумать, и не таким уж большим запросам. Причём делаем это непременно ночью в самое противное, промозглое время года. Ну, тоже своего рода экстрим, хоть мы так и не считаем...

И собираемся вместе уже много лет, хотя едва знакомы между собой, встретившись когда-то у такого же костра, чтобы погреть свои замерзающие тела и души в эту ненастную октябрьскую ночь. Всех нас занесло сюда по своим причинам, но мы никогда не спрашивали новичка, кто он такой и почему пришёл, что забыл в этом холодном и неудобном месте. Это — табу. Может, мы и странные, но нам довольно и того, что кто-то сидит рядом у костра, потому что одинок,

как все. Да, именно так — одиночество собрало нас вместе. Не всякий решится присоединиться к такому «обществу», ведь место нашего ежегодного «сбора» — городское кладбище, причём его старая заброшенная часть, где с надписей на могильных плитах давно стёрлась «золотая» краска, и прочитать имена тех, кто упокоился под ними, уже нет никакой возможности. Да и сами плиты зачастую разбиты бесноватыми пьяными подростками, просто так, для куража... Здесь никогда не появляется смотритель Сан Саныч, боится, зараза, привидений и духов. И вместо того, чтобы следить за вверенной ему территорией, потихоньку спивается в своей сторожке.

Но нам на это плевать. Наш праздник «встречи», как обычно, начинается с приветствий и шуточных перепалок.

— О, Гарик, думал, не увижу тебя в этот раз! Постарел, чертяка... аж на целый год. Иди обниму, дружище, а то руки испачкал, заодно и вытру их о твоё старое пальто... — радостно хмыкал один из нас.

— А ты в своём репертуаре, Макарыч! Ничуть не изменился, да и куда тебе меняться-то — небось, уже столетний юбилей отметил, а, дедуля? И пальто, кстати, не старое совсем. Выглядит, во всяком случае, получше тебя...

— Болтай, болтай, балабол! Я, может, и старый, а бабку свою люблю до сих пор, не то, что некоторые, ни на что не способные дрыщи.

Темноволосый и вспыльчивый южанин Гарик такое

оскорбление терпеть не собирался и, поискав глазами под большим клёном, где на этот раз расположилась компания, подобрал с земли суковатую палку. Пылая гневом и хмурия густые брови, он выразительно подтянул рукава пальто и положил «оружие» себе на колени. Студент-недоучка так злился, бросая на деда бешеные взгляды, что, казалось, ещё немного, и пар повалит из его оттопыренных ушей.

Макарыч не остался в долгу, продолжая подзуживать молодого гордеца:

– Ишь как раскипятился! Прямо вылитый мой старый чайник, у того тоже нос горбатый был!

– А ну-ка, прекратите свои бредовые игры, надоело уже! Каждый год у вас до драки доходит, хотя ночь только началась. Имейте совесть, а то выгоним от костра, придётся вам себе отдельный огонёк запаливать. Вон неподалёку плита разбитая, поговаривают, под ней убийца похоронен. Туда и отправляйтесь, вы ему понравитесь, оба. Как начнёте ругаться, он из могилки-то вылезет и преподаст вам урок тишины, — это наша Маруся-крановщица пробасила так громко, что у всех разом заложило уши. Дамочка она дородная и с большими кулаками, а уж голос такой — мёртвого, как говорится, поднимет...

Слова про закопанного поблизости убийцу произвели на скандалистов нужное впечатление, и они притихли. Хотя и ненадолго. В разговор вступила Варенька, прекрасное и нежное создание с кудряшками, торчащими из-под вязанного

берета. Она теребила в руках розовый мобильный, так мило воркуя и картавя, что все мужчины таяли при звуках её очаровательного ангельского голоса:

– Прекратите немедленно, мальчики! Давайте лучше делиться новостями и рассказывать интересные истории. Я вот слышала, что в городе объявилась группа сатанистов, и они зачастили сюда, на кладбище для проведения своих ужасных обрядов. А полиция, как всегда, не может их поймать. Вот кошмар-то! Сегодня, надеюсь, нелёгкая их сюда не принесёт: погода ужасная, и дождик накрапывает.

– Ха! — гаркнула Маруся, — подумаешь, дождик. Меня бы это не остановило, я — не то что некоторые неженки «Мальвины», — и она покосилась на Вареньку, — как же мне хочется посмотреть на этих самых сатанистов! Уж я бы погоняла их по кладбищу, да ещё заупокойную вместо колыбельной спела. Говорят, в этой секте тусуются одни сдвинутые мальчишки да девчонки, приличные-то люди такой фигней не страдают. А главный у них, не поверите, заведующий аптекой, той, что на бульваре, — прогромыхала она злоеющим тоном.

Варенька смерила её презрительным взглядом и гордо задрала нос:

– Даже не знаю, можно ли доверять этим непроверенным слухам. У меня другие сведения. И при этом «источник» абсолютно надёжный — всем заправляет бывший дьякон нашей церкви Симеон. Тот, которого в прошлом году с позо-

ром выгнали за растрату и шашни с женой мэра.

Мужчины дружно перемигивались, радуясь такому невероятному повороту событий, и только крановщица недоверчиво фыркнула:

– Полный бред, хуже только твоя, Мальвина, прошлогодняя история про гигантских пауков, свивших гнездо в трамвайном депо. Якобы, они по ночам выползали из заброшенного вагона и кусали водителей ночной смены. Впрочем, какая сама, такие и истории...

Пришлось мне вмешаться:

– Не надо горячиться, красавицы! — я поправил длинные, рано поседевшие волосы и улыбнулся, зная, как это действует на обеих наших спорщиц, — нам одинаково нравятся ваши истории, и не стоит в такой день ссориться по пустякам.

Девушка довольно одёрнула модную, сшитую по фигуре курточку, взмахнула длинными ресницами, стрельнув в меня кокетливым взглядом. Борис Иванович, лысеющий бухгалтер средних лет, жадно проводил каждое её движение, не спуская с очаровательницы влюблённых глаз:

– Ну что Вы такое говорите, Марусенька, зачем нам здесь какие-то сатанисты? Правда же, Варенька?

Но красавица не удостоила его своим вниманием, продолжая бросать на меня страстные взгляды, и бухгалтер разочарованно сник.

Дед Макарыч поёрзал, поправляя такую же старую, как он сам, телогрейку, и почесал в затылке:

– Новости, говоришь? Да вот тебе последние: мой сосед стучит и стучит в стенку, уж почти год не может успокоиться. Ладно бы днём, а то, поганец, всё ночью норовит. Да так громко, а ещё кричит что-то не по-русски. Я столько раз прислушивался, так и не понял. То ли песню поёт, то ли бухает без продыху. Подозрительный он какой-то. Одно слово — «мутный тип».

Тут я не выдержал и, сделав серьёзное лицо, стараясь не рассмеяться, произнёс:

– И почему сразу — мутный, а если у человека ремонт? Я в своё время всё делал своими руками, и, поверьте, когда денег нет, будешь и стенку долбить, и полы красить. А ещё обои, будь они неладны, и норовящая свалиться и разбить тебе голову новая люстра... Вот это по-настоящему муторно и долго.

Все сразу повеселели и расхохотались, даже сердитый Гарик. Настроение у компании заметно поднялось. Я невольно улыбнулся и вздохнул с облегчением. Макарыч раскашлялся, хватаясь за живот:

– Ну, насмешил, Василий, *ремонт*. Скажешь тоже. Обои... да на кой чёрт ему обои, ёлки-палки...

Разговор заметно оживился, все стали вспоминать не только грустные, как обычно, но и забавные истории из жизни. Больше никто не ругался, палка за ненадобностью была выброшена в сторону, и маленькая уютная компания просидела у огня почти до самого рассвета. Сатанисты в эту ночь

нас не побеспокоили, а жаль. Я, как Маруся, не прочь был бы поучить дураков уму-разуму. Всё какое-то развлечение в нашем однообразном существовании.

Как только на востоке забрезжил мутный свет, мы с грустью попрощались и разбрелись в разные стороны. С сожалением проводил взглядом тающие в предрассветном сумраке силуэты, посмотрел на медленно затухающее пламя костра и зябко поёжился, хотя уже давно не чувствовал ни тепла, ни холода. Как и другие участники октябрьских «посиделок»...

Привычно похлопал по бледнеющим прямо на глазах карманам шинели в поисках призрачных сигарет, прекрасно зная, что они давным-давно пусты, и медленно поплыл в сторону своего последнего пристанища...